



Рафаил Тухватуллин

1924–1994

Цветок заиндевелый

Родился в д. Новый Иябаш Арского района ТАССР в учительской семье. Участник Великой Отечественной войны. Боевой путь – Брянск, Орша, Рига... Награждён орденами и медалями. Дважды тяжело ранен и контужен. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького в Москве. Автор книг прозы «Рассказы моей деревни» (1959), «Ягодные поляны» (1971) и др. В 1982–83 гг. вышли его «Избранные произведения» в 2-х томах. В 1995 году в Альметьевске учреждена литературная премия им. Р. Тухватуллина. Данные рассказы публикуются впервые. Публикация эта – плод выездного заседания редколлегии «КА» в Альметьевске

Первые заморозки наступили неожиданно и преждевременно. Только вчера солнце припекало по-летнему, и мы ходили в рубашках с короткими рукавами и в лёгких сандалиях.

Проснувшись рано утром, я выглянул в окно и подумал, что выпал снег, – всё вокруг было белым-бело. Я достал из дорожного мешка шерстяную рубашку, тёплую обувь и заспешил на улицу. Но это был не снег, а сплошным покровом иней.

Медленно шагаю, оставляя следы на тропинке. Внезапно передо мной на белой земле я увидел яркий красный цветок. Как же он уцелел при заморозках? Как называется это геройское

выносливое растение? Я подошёл... Нет, оказывается, не такой геройский и не такой уж и выносливый оказался этот цветок. И не ярко-красный. Просто утреннее солнце так необычно осветило его, что издали он показался мне ярко-красным.

Я долго стоял возле цветка, потерявшего летнюю свежесть, потемневшего по краям лепестков. Моей душой овладело болезненно-грустное настроение. И грустное настроение разбудило грустные воспоминания.

* * *

Наша артиллерия и так всегда на колёсах. Прицепив пушку к машине, обычно садимся сами в крытый кузов грузовика и айда на новое место, где наши огненные гостинцы нужнее всего!

На этот раз всё было по-другому. Полк погрузился в вагоны. Чувствуем, дорога будет долгой. Наконец-то в пути сможем поспать по-человечески, вытянув ноги на нарах! До сих пор ведь в дороге мы не только не могли разогнуть ноги, но даже толком прислониться к какой-то опоре надёжной усталыми спинами.

Когда погрузка в вагоны заканчивалась, для нас, связистов, поступил приказ: протянуть телефонную линию по всему составу, от паровоза до последнего вагона.

«Погода» стояла безоблачная – не поливала огнём снарядов, не сеяла минами и пулями, поэтому заданную работу мы выполнили быстро. Эшелон пока трогаться не спешил. Не было и команды «по вагонам!». Царил сентябрьский тёплый вечер. Солдаты и офицеры прогуливались вдоль эшелона, разговаривали. Часто слышался весёлый, беспечный смех. Дай волю, и у нас с Молдабаем не будет конца разговорам. Молдабай – казахский парень, выросший в деревне Оренбургского края, мы с ним друг друга хорошо понимали. Понимали, но... быстро начинали спорить. Первым обычно начинал Молдабай. Вот опять разгорелся спор... И вдруг совсем рядом раздался нежный

женский голос, к тому же на чистом татарском языке:

– Пусть ваши горячие разговоры никогда не остынут, земляки!

– Присоединяйся! – сказали мы. – Ты из каких краёв?

– С берегов Зая. – Она и деревню назвала, но память не сохранила незнакомое название. А вот имя хорошо помню – Фидая.

– Здесь меня Фаей зовут. С тех пор, как сюда попала, не только своё настоящее имя, но и по-татарски-то ни одного слова не слышала. Как я соскучилась по родному языку! Спасибо вам, наконец-то порадовали...

Эти простые слова девушки обрадовали нас.

До сих пор мы думали, что в артиллерийском полку женщины не служат. По дорогам встречали девушек-зенитчиц, регулировщиц, а больше всего девушки служили в санротах, санбатах... Смотри-ка, и среди нас, оказывается, есть милые создания!

И в самом деле, Фидая нам показала прекрасным ангелом, спустившимся с небес. Изогнутые, как крылья ласточки, брови, карие глаза с мягким и одновременно острым взглядом... Военная форма ладно сидела на ней. Широкий солдатский ремень на девичьей талии был как будто только для того, чтобы подчеркнуть стройность её фигуры.

– Впервые видим девушку-артиллеристку. Не тяжело ли?

– Мы из пушек не стреляем, – сказала Фидая, улыбнувшись ямочками на щеках. – Мы просто стираем бельё в хоззвезде.

Родная речь лилась, как полноводная река. Но тут разговор прервала команда «по вагонам!»

* * *

Там, где на фронте телефон, там всегда сидит солдат-связист, с привязанной к уху телефонной трубкой. Наше отделение дежурило в вагоне, где расположился штаб полка. Если одна половина вагона была оборудована двухъя-

русными нарами, то на другой половине совсем другая жизнь. Довольно большой стол, неподалёку тумбочка с телефоном. А подалее, в углу, застеленная мягким одеялом широкая кровать с блестящими шарами-набалдашниками. На нарах, как и в наших вагонах, лежат штабные офицеры, и шинели им служат и матрасами, и одеялами. А на этой половине пружинная кровать командира полка в звании подполковника. Вот он, отодвинув белое покрывало в сторону, сел на краю кровати, задымил папиросой, между делом вставляя свои веские словечки в разговор офицеров. У меня же своя работа:

– Фиалка, я Астра, как меня слышите? – так я постоянно проверяю исправность телефонной связи, если вызовут, передаю трубку подполковнику или начальнику штаба.

Раз есть штаб, значит, у всех других вагонов к штабному дел не кончается. Звонят, а при остановках и прибегают. Вот на одной остановке женский голос попросил разрешения войти. Я поднял голову, услышав знакомый голос, – Фидая.

В руках – простыни, наволочки... Войдя, сказала подполковнику «разрешите» и поменяла на кровати постельное бельё. При этом спросила меня татарски:

– Когда освободитесь, сержант?

– Меньше часа осталось дежурить.

– Приходи к нам, земляк. Очень соскучилась по родному языку.

Тут раздался приказ подполковника, резкий, недовольный:

– Прекратить тары-бары!

– Есть прекратить тары-бары, – отозвался я. Что поделать, такие уж воинские порядки!

Подполковник недовольно поскрёб горло кашлем, кинул на меня изучающий взгляд. Фидая вышла, опустив голову.



Когда пришёл мой сменщик Молдабай, поезд, тяжело пыхтя, остановился посреди чистого поля. Я быстрее побежал в сторону вагона хоззвода. Фидая будто только и ждала этого, спрыгнула навстречу.

По-детски взявшись за руки, мы сели на склоне дорожной насыпи.

– Знаешь, Рафаил, сегодня во сне я видела маму. Она сыпала курам корм. Это она, милая, нас звала. Двух моих братьев и меня. А ты какой сон видел?

– Тебя видел, Фидая.

– Нашёл, тоже мне, что смотреть во сне! Фи... У меня вот ещё один желанный сон есть. Только никак не опускается он ко мне.

– Какой, Фидая?

– Как сказать... Пришёл бы во сне ко мне мой Габдрахман. – Она задумалась на мгновение. – По правде говоря, наяву бы его лучше встретить. С надеждой на эту встречу я и поставила подпись в той бумаге.

– В какой бумаге?

– В той, что на фронт согласна идти...

добровольно-принудительно. О принудительности там, конечно, ни слова. Сколько уж слёз пролила после этой подписи! А ты случайно не встречал Габдрахмана? – спросила она, всхлипнув едва слышно. – Его легко узнать. На подбородке, вот здесь, родинка с десятикопеечную монетку. Не встречал?

– Может, и встречал. Разве уследишь, когда человек незнаком тебе! – Мне показалось, что я слишком бессердечно ответил землячке, и тогда добавил обнадеживающе: – Чем чёрт не шутит, может быть, ещё сойдутся наши пути-дорожки.

– Эх, если б раньше он мне повстречался! А сейчас уж что!.. – вздохнула девушка. – Сам, наверное, догадываешься о нашем положении. Дескать, родину защищать призваны. Видно, наложницы нужны были им... Ай, не знала ведь, не знала. И в голову не могло прийти.

– Ты о чём это, Фидая?

Она взглянула на меня и начала рыться в противогазной сумке.

– Совсем забыла, тёплое бельё вам принесла. Дни ведь холодают. Вот, одну пару Молдабаю передай. Будете носить, меня вспоминать. Как доедем до места, может, больше и не увидимся. Вы в огне, а мы, что не говори, немного сзади. Бери, бери, сержант, такого добра у нас хватает.

Прозвучала команда «по вагонам!», и мы, торопливо обнявшись, побежали в разные стороны.

Очередное моё дежурство началось вечером.

Когда я пришёл, офицеры уже лежали на нарах, а подполковник и майор сидели возле стола. Солдатским острым глазом я сразу заметил на столе бутылку, американские консервы...

Через некоторое время майор по-

прощался и вышел. Подполковник сел на свою пружинную кровать. Ковыряя спичкой в зубах, лёг на бок. Потом попросил у меня телефонную трубку.

– Двадцать третий, я Первый. Финика ко мне! Да, да, бестолковый... Выполнийте! Быстро!

Эшелон в это время стоял. Прошло немного времени, и в дверях появился широкоплечий старшина с красным лицом и пышными пшеничными усами. Он спустил с плеча на пол, как мешок картошки, лёгкое человеческое тело, отдал без слов честь подполковнику и исчез.

«Финик» встал на ноги. Только тогда я признал её. Мешком картошки оказалась Фидая.

– Сержант, закрой дверь с той стороны! – приказал мне подполковник.

Я исполнил, не повторив приказ и не отдав честь.

– Астра! Я – свинья... овца я! Как слышите? – так, коверкая позывные, начал я проверять исправность линии.

На том конце провода послышалась отборная брань:

– Астра! Ты что, с ума там сошёл, что ли, идет-кудрит...

Заиндевелый цветок, показавшийся издали ослепительно красным и свежим, напомнил мне эту историю.

Беспримерными подвигами, миллионами погибших, реками пролитых слёз добыта Великая Победа! Мы ещё не знаем точного числа погибших, а как измерить кровавые слёзы, разбитые судьбы, унижительные приказы?

Низко склоним головы перед героями войны и её жертвами!

Не забудем и про цветы заиндевелые!

1990, май

Рис. Людмилы Пельгасовой

Сосны шумят

Артиллерийский полк остановился в хвойном лесу Прибалтики.

В моих родных краях, в Кинере, где начиналась марийская тайга, сосны росли вперемешку с елями, пихтой, липой, берёзой, осиной. Под деревьями таились заросли можжевельника, волчьей ягоды, жимолости...

Здесь же, на латышской земле, сосны в лесу – единоличные хозяева. Такие стройные и высокие. Когда Харис посмотрел вверх, на вершины сосен, пришлось снять пилотку, чтоб не упала.

– Видишь нашего сержанта! Головной убор снял, чтобы поприветствовать землю своей любимой Розетты.

Пригнувшись, Харис взглянул на росшие под соснами уже начинающие желтеть листья осоки, папоротника...

– Розетта, это твоя родная земля!

Раздалась команда. Это старший лейтенант:

– Сержант Фатхуллин, командиры расчётов, ко мне!

Понятно, зачем вызывает командир дивизиона. Показывая на карте, где расположены огневые точки, наблюдательные пункты, а где штаб, старший лейтенант поставил задачу сержанту наладить между ними связь.

Когда линии связи были протянуты, солнце уже поднялось до вершин сосен.

Молодцы артрязведчики, хорошее выбрали место для наблюдательного пункта!

На опушке леса, на возвышенности, всё видно. Впереди – заросшая кустарником широкая долина, за ней начинаются взгорки. На них – немцы. Но их больно-то не видеть. Старший лейтенант лежит, опершись локтями о землю, наблюдает в бинокль ту сторону, похоже, ему что-то видно, время от времени делает пометки на развёрнутой карте.

– Заря! Заря! Я Венера. Проверка связи. Как меня слышите? Я тебя хорошо слышу, Сергей, как настроение?

Это Молдабай в обнимку с телефонным аппаратом постоянно болтает с Сергеем, находящимся на том конце провода, рядом с 76-миллиметровыми пушками. Чуть в стороне артрязведчики, копающие траншею. Разведчики – народ осторожный. Откидываемую из траншеи землю тут же маскируют листьями папоротника, утыкивают ветками кустарника. Изредка над их головами со свистом пролетают и с грохотом рвутся в лесу снаряды да по стволам сосен чиркают пули. Но к этим фронтальным явлениям мы все давно привыкли. Не повторилось бы то недавнее светопредставление! Наверное, ни пяди земли тогда не осталось, куда б не упали снаряд или мина. Не успеешь соединить порванные в одном месте линии связи, уже в другом месте рвётся. Опять соединишь, оказывается, наблюдательный пункт, ёлки-палки, сменил позицию. То слева, то справа, то перед самым носом рвались снаряды, над головою, точно пчелиный рой, жужжали пули. Из того огненного ада живыми со всего отделения связи вышли только Харис да Сергей. «Это тебя Аллах хранит, детка. Значит, в душе твоей есть вера», – сказала бы бабушка Харису. Можно угадать, что сказала бы бабушка, а вот что сказала б мама? Или только улыбнулась бы своей понимающей улыбкой?

– Заря! Заря! Я Венера. Как меня слышите?.. Сергей, обед ещё не привезли? Кухня далеко?

Старший лейтенант оторвал глаза от бинокля, посмотрел на часы.

– Сержант! Молдабай правильно толкует, пора об обеде подумать. Потом пусть сюда ещё двух связистов пришлют. Если артсмерч начнётся... сам понимаешь.

Харис отправил Молдабая за обедом, а на обратном пути велел прихватить двух связистов (и фамилии назвал), а сам сел к телефонному аппарату. Привязав верёвкой трубку к уху, лёг на землю. Несмотря на начало

октября, день выдался тёплый, солнечный. В синем небе плывут пышные белые облака. Смотри-ка, ведь они идут на восток, эти белые облака. «Эй, облака! Когда долетите до нашей деревни, передайте привет от меня маме и папе, а потом Розетте. Ей привет передайте особый».

Тут сержант нахмурил брови, вспомнив, как утром солдаты шутили, что он приветствует землю Розетты, сняв пилотку. И зачем только рассказывал о ней?

Рассказал же всё-таки... Накануне в машине через полчаса хода старший лейтенант, смотревший в лобовое окошко, сказал: «До Латвии доехали, парни». У Хариса из груди неожиданно вырвался неудержимый лепет: «Это родные места моей невесты!»

В отделении все неоднократно рассказывали о своих девушках. Со вкусом, особенно, как целовались... И Харис не удержался. Поведал, как на лугу он крепко обнимал свою Розетту, как целовал перед проводами в армию.

Целовал, как будто!.. Крепко-крепко, как будто!.. А по правде, один раз только, и то как-то по-детски.

Уже в первый месяц войны прибыла она с матерью и двумя белобрысыми братишками в деревню Кинер. Называли их беженцами. Мальчишки быстро освоились в деревне. Играли со сверстниками на улице. Вскоре и по-татарски заговорили. Розетта появлялась на улице редко. Окликнешь её по-татарски, улыбнётся в ответ без единого слова. Щёки только покраснеют, и веснушки исчезнут, а из огромных карих глаз прольётся нежный, кроткий свет. По правде сказать, они только и делали, что улыбались друг дружке. И на улице, и в клубе, и на лугу во время сенокоса.

Улица райцентра возле военкомата была похожа на Сабантуй – песни плывут, гармошка наявивает, пёстрые платки развиваются на дугах и оглоблях запряжённых в телеги лошадей. Налицо тут все. Только её нет. Неужто так и не появится и не проводит его на войну?

Но вот из толпы бегающих туда-сюда детей, строгих дедов, стоящих возле телег, бабушек, вытирающих глаза кончиками платков, совсем неожиданно возникает Розетта.

– Уходишь, да? – сказала она чисто по-татарски. Глаза, как обычно, лучисто улыбаются, а ресницы влажные. Нет, не только влажные, крупные слёзы наворачиваются...

– Ухожу, Розетта, и вернусь, как только война закончится.

Розетта подняла на него свои большие карие глаза и быстро поцеловала в щёку. Голова у него закружилась. Пахнул на него с дуновением ветерка тонкий аромат духов, совсем перебив запах свежего конского навоза из-под колёс телеги. Нет, наверное, это был не аромат духов, это был еле уловимый запах самой Розетты, который невозможно передать словами.

– Заря! Заря! Я Венера! Как меня слышите?

– Я Заря. Хорошо слышу. Сергей, там Молдабай не дошёл ещё до вас?

Нет? Что-то долго он.

Эх, крепко обнять бы тогда Розетту да поцеловать... Как-то не человечески всё вышло. С крыльца военкомата прозвучала команда. Улица наполнилась вскриками, плачем, скрипом телег... Рыжий конь с белой отметиной на лбу попятился назад, наткнулся на бурую лошадь с расстёгнутой супонью. Харис шагнул к изгороди, чтобы развязать поводья уздечки... И в самом деле, как-то странно всё получилось. Не смог он сразу развязать поводья.

– Харис! Поскорее возвращайся.

«Надо же, будто наяву прозвучали слова Розетты», – подумал Харрис, не слыша оглушительных взрывов – немцы начали пристреливаться.

Харис достал из кармана гимнастёрки бумагу и огрызок карандаша. И почему раньше не сообразил? Вместо того, чтобы, как сумасшедший, передавать приветы через облака, надо просто взять да и написать письмо. Крышка телефонного аппарата – прекрасный письменный стол. И слова друг

за другом так и побежали на бумагу: «Живущей в моей родной деревне Розетте от сержанта Хариса Фатхуллина, дошедшего до твоей родной Балтии, огромный-преогромный привет!»

– Заря! Заря! Я Венера. Старшего лейтенанта вызывает Хозяин.

«Хозяин» – это командир полка Пермяков. Старший лейтенант его выслушал очень серьёзно, вставляя короткие слова: «Постреливают. Есть... Да... Есть». Вернув трубку Харису, подозвал к себе разведчиков.

– Наблюдаю и не могу понять, откуда стреляет многоствольный миномёт. Вот где-то здесь он должен находиться, – ткнул пальцем старший лейтенант в полевую карту. – Вот вам задание – уточните!

Как бы подтверждая важность задания, недалеко вновь прогремели друг за другом взрывы. Два разведчика в жёлто-зелёных маскхалатах о чём-то посоветовались, глянув зачем-то на вершины сосен, потом – на кусты в долине... Когда Харис, обернувшись, вновь посмотрел в их сторону, никого уже не было видно.

– Венера! Венера! Я Заря! Молдабай дошёл до вас?

До сих пор не дошёл. Странно...

Когда в третий раз вызывал Венеру, трубка ответила коротким звоном. Этот звон, словно электрический ток, ударил через всё тело, дойдя до пальцев ног.

– Товарищ старший лейтенант! Обрыв на линии связи. Разрешите устранить.

Старший лейтенант выругался многоэтажным матом. И только после добавил:

– Иди! Только быстро!

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите...

– Что ещё?

– Когда из штаба кто появится, не могли бы с ним отправить письмо?

На суровом лице старшего лейте-

нанта появилась едва заметная улыбка.

– Если написал, то, конечно...

Харис прополз сквозь колючие кустарники, вскочил и побежал. Конечно, и со стороны орудий, наверное, тоже вышли на устранение обрыва. Если Молдабай жив, он обязательно отправится на линию. У этого парня особое чутьё, и глаз зорок. Но всё равно надо торопиться... Судя по недавнему разговору старшего лейтенанта с Хозяином, приближается пиковое для связи время. Смотри-ка ты, какими редкими выстрелами перебили линию, сволочи!.. А если начнётся тот самый недавний ад, из которого кое-как выбрался с Сергеем... Быстрее, быстрее.

Вдруг мощный взрыв потряс землю. Сержанта, будто соломинку, откинуло к сосне. Харис нашёл силы провести ладонью по лбу. Взглянул на пальцы, они все были в крови.

Кружились, медленно кружились сосны. Кружились и шумели в вышине, словно намеревались поведать о чём-то. «Что вы шумите, родные?» – хотел спросить Харис, но не смог. Это было последнее, о чём он подумал и что хотел сказать.

В тот день, когда Розетта услышала новость об освобождении Риги и выходе наших войск к Балтийскому морю, ей вручили письмо от Хариса.

– Мама! Ригу освободили! И нашу Сигулду, значит, тоже. Давай, мама, поедем обратно, прямо сейчас отправимся в путь. Вон и Харис сейчас там, письмо от него пришло.

Девушка запрыгала радостно, заплясала и закружила свою маму.

– Подожди, доченька. Схожу-ка сначала к Бахар. Пусть знает, что сын её жив и здоров, пусть порадуется доброй вести.

– Я с тобой, – ответила Розетта. И они заторопились к матери Хариса.

1991, октябрь